

ЭТНОЛОГИЯ

УДК 39

**Советско-монгольская комплексная
историко-культурная экспедиция.
1970 год — второй сезон.
Дневник этнографического отряда
(продолжение: 13 августа – 2 сентября 1970 г.)¹**

*Наталья Львовна Жуковская*¹

¹ Институт этнологии и антропологии РАН (д. 32а, Ленинский просп., 119991 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром азиатских и тихоокеанских исследований

 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Жуковская Н. Л., 2020

Аннотация. Цель статьи — введение в научный оборот сведений по истории этнографического изучения монгольских народов. В 2019 г. в журнале «Монголоведение» были опубликованы страницы дневника этнографического отряда Советско-монгольской комплексной историко-культурной экспедиции, относившиеся к 1969 г. — первому сезону ее работы в Монголии. Данная публикация продолжает дневниковые записи этнографического отряда, теперь это полевой сезон следующего, 1970-го, года, в них идет речь о встречах с учеными разных стран в Улан-Баторе, о работе в центральных районах Монголии.

Ключевые слова: Монголия, историко-культурная экспедиция, сомоны Хара-Хорин, Дашинчэлэн, Бат-Улзий, Второй международный конгресс монголоведов

Для цитирования: Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция. 1970 год — второй сезон. Дневник этнографического отряда (13 августа – 2 сентября 1970 г.) // Монголоведение. 2020. № 1. С. 154–171. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-154-171.

UDC 39

**The Soviet-Mongolian Comprehensive History
and Culture Research Expedition: 1970 – Season Two.**

¹ Данная статья является продолжением статей, опубликованных в журнале «Монголоведение» (2018. № 3; 2019. № 1, 2, 3) [Жуковская 2018; Жуковская 2019а; Жуковская 2019б; Жуковская 2019в].

Diary of the Ethnography Research Team (August 13 – September 2, 1970)

Natalia L. Zhukovskaya¹

¹ Mikloukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32a, Leninsky Ave., Moscow 119991, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Center for Asian and Pacific Studies

 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Zhukovskaya N. L., 2020

Abstract. *Goals.* The article introduces into scientific discourse materials dealing with the history of ethnography research of Mongolic peoples. In 2019, the *Mongolian Studies* published 1969 (season one) diary notes of the ethnography research team affiliated to the Soviet-Mongolian comprehensive history and culture research expedition. This publication includes field diary notes of 1970 describing contacts with scholars from different countries in Ulaanbaatar, and research activities in aimags of Central Mongolia.

Keywords: Mongolia, history and culture research expedition, Kharkhorin, Dashinchilen, Bat-Ölzii, Second International Congress of Mongolists

For citation: Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1970 – Season Two. Diary of the Ethnography Research Team (August 13 – September 2, 1970). *Mongolian Studies*. 2020. No. 1. Pp. 154–171. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-154-171.

13 августа, четверг. Должны были вылететь из Москвы в Улан-Батор вечером 12 августа. Летим вдвоем — я и Владимир Аронович Лившиц, филолог-иранист из Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. По погодным причинам вылет перенесли на 8 часов утра следующего дня. Ночевали у кого-то из друзей В. А. Лившица, живущего недалеко от аэропорта Шереметьево. В 6 утра началось оформление, и на этот раз улетели в объявленное время. Однако посадили нас в Иркутске, и наши приключения продолжились. Здесь обычно происходит дозаправка самолета топливом, обед и дальнейший перелет в Улан-Батор. По каким-то причинам решили, что на ночь глядя лететь в Улан-Батор не стоит, и нас оставили на ночлег в Иркутске. Вечером вместе В. А. Лившицем погуляли по Иркутску, вдоль набережной Ангары, и вернулись в гостиницу аэропорта. Там нас всех разместили в номера по принципу гражданства. Из 36 пассажиров, следующих до Улан-Батора, оказались: четыре гражданина СССР (Лившиц, я и жена русского военнослужащего в МНР с дочкой); четыре гражданина ЧССР; три венгра; два румына; остальные — монголы и среди них группа в 16 человек, возвращавшаяся из туристической поездки в ГДР (Берлин, Лейпциг и т. д.). В дороге постоянно случались разные аэрофлотовские недоразумения: постоянно не хватало одной порции еды и т. п. Всегда и во всем стюардессы винили монголов — иного виновного с их точки зрения просто не могло быть. Нас все время пересчитывали по головам и искали того «лишнего», который съедал не полагающуюся ему еду. В конечном счете это оказался русский ребенок, не имевший отдельного билета, вписанный в авиабилет матери, и все успокоились.

Утром **14 августа, в пятницу**, мы благополучно взлетели и через 1,5 часа были в Улан-Баторе. На аэродроме полно встречающих, но все встречают не нас. Повторяется прошлогодняя история. Начинаю бегать, разыскивать, откуда можно позвонить в посольство СССР, но пока суть да дело, да раздача багажа (таможню проходить в МНР не пришлось), появились наши дорогие монгольские коллеги: Батнасан, Цэрэнханд, Лубсан, потом с двумя нашими водителями подъехал Бадамхатан, и нас повезли в гостиницу «Алтай» — ох уж этот «дорогой» нашему сердцу с прошлого года «Алтай». Не умеющий врать Бадамхатан по дороге успокаивает нас и говорит, что гостиница «Улан-Батор» в связи с конгрессом на ремонте. Однако, проезжая мимо, мы видим оживление у его парадного подъезда, и сразу все ясно — именно для советских специалистов там не хватает места.

В «Алтае» по-прежнему перевалочная база русских, приехавших на работу в МНР с семьями, но пока не получивших квартиры. Русские песни, русские пьяные мужики. Нас поселили в одноместных номерах: мой 33, Лившица — 3. Пожалуй, вход монголам в гостиницу стал менее воспрещен. Узнаем и еще одну новость. Ее успели рассказать нам наши водители, а потом, запинаясь и смущаясь, сами монголы. Новая экономическая политика монголов, направленная на экономию средств к 50-летию республики (оно состоится в 1971 г.), сделала первые шаги: советских специалистов (в частности, нашу экспедицию) лишили денег, полагающихся нам согласно договору о научном сотрудничестве. Теперь специалист прикрепляется к столовой, где он должен есть три раза в день, и получает, пока находится в городе, 50 тугриков в неделю на карманные расходы. Выезжая в поле, он получает 20 тугриков в день. Всеобщее недоумение и неудобство. Монгольские коллеги нам сочувствуют, но ничем не могут помочь, хотя как сказать — в порядке компенсации регулярно приглашают к себе домой то на обед, то на ужин. Моя коллега Цэрэнханд даже просила свою маму почаще поглядывать в окно и, если увидит, что я иду по улице, немедленно приглашать меня в дом и кормить обедом, а все потому, что часы работы столовой в гостинице «Алтай», где мы должны были кормиться бесплатно, были очень неудобны с точки зрения нашей работы, и мы порою оставались и без обеда, и без ужина.

Первый день в Монголии прошел в уяснении нами всех этих новшеств. Кроме того, неясен состав наших будущих отрядов и когда дадут нам деньги для выезда в поле. Во второй половине дня состоялась наша (моя и Лившица) встреча с Гонгором, ученым секретарем Института истории АН МНР. Вежливая улыбка, обещание сделать все, что можно, и как можно быстрее. После обеда идем в гости к Бадамхатану и его жене Энхтуйе. С нами идет Шинэху, специалист по руническим текстам. Потом идем на почту и даем телеграммы родным в Москву, заходим к водителям и обговариваем проблемы следующего дня.

15 августа, суббота. С утра идем в Институт истории, еще раз утрясаем маршруты. Вроде бы все в порядке, но уверенности ни в чем нет. Старательно обедаем в столовой, приглашаем шоферов и монгольских коллег, чтобы счета были побольше — главный министр финансов Академии наук МНР должен убедиться, что советский специалист может проесть 30 тугриков в день. Может, но трудно.

16 августа, воскресенье. Как и в предыдущие дни за нами, мной и Лившицем, утром пришел этнограф Батнасан и повел нас завтракать. Он оформляет счета и уносит их с собой. После завтрака позвонили корреспонденту АПН в Улан-Баторе — Григорию Григорьевичу Харченко. Тот пригласил нас немедленно к себе, и через 5 минут за нами прибыла машина — ГАЗ-69, еще через 5 минут мы были в квартире и корпункте АПН. Нас встретила веселая пьющая компания: Харченко, его жена Нина Степановна, их гости: Григорий Наумович — заведующий системой русских магазинов в Улан-Баторе, Давид Роксман — главный инженер одного из строитрестов Улан-Батора, его жена Галя и их дочь Юлька 10 лет. Накануне они ездили за грибами, сейчас они их ели и собирались тут же отправляться за ними заново. Мы поехали с ними. Грибы собирали с 12 до 19 часов с попойкой и прочими аксессуарами. Грибов, действительно, много — в основном подберезовики.

17 августа, понедельник. С утра после завтрака отправились в консульство становиться на учет. Потом зашли в советское посольство к советнику по делам культуры Индюшкину Николаю Дмитриевичу, пожаловались на неурядицы с монгольской стороны. Узнали, что это в порядке вещей и что монголы не подписали соглашение об экспедиции на текущий год. Отсюда все финансовые и прочие проблемы. Из посольства поехали в Президиум Академии к Цэгмиду, заведующему иностранным отделом, но он был занят, и мы, узнав, что деньги нашим спутникам выписаны и отряды окончательно сформированы, поспешили в институт. С 2-х до 3-х часов были проведены заседания полного состава отрядов. Отряд эпиграфический: Лившиц, Шинэху, Сухэбатор, фотограф Чулунху; отряд этнографический: я, Цэрэннадмид, Болд и студент кафедры археологии МГУ Виктор (у него русская мама и потому русское имя), С. Д. Унишков, шофер. Наметили время выезда и отправились делать последние предотъездные дела. Вечером капитально мылись, неизвестно когда придется это делать в следующий раз. Я отнесла Цэрэнханд свои дорожные вещи. Поговорили о судьбах науки и научных работников в МНР. Не так уже весело.

18 августа, вторник. Последний раз завтракаем в «Алтае». Потом, собирая по дороге сотрудников эпиграфического отряда и их вещи, приезжаем, наконец, на базу. Мои ребята Болд, Виктор и Цэрэннадмид все уже в сборе. Грузим отрядное имущество и отправляемся на дачу Виктора за его вещами — оказалось, это 26 км по шоссе в сторону Налайхи. В 12 часов, наконец, оба отряда полностью собрались возле почты и двинулись в маршрут: Улан-Батор — Лун-сомон — Дашинчэлэн — Хара-Хорин. Первый небольшой привал в Лун-сомоне. Заходим в магазин — ничего, только русский транзистор «Сокол». За сомоном готовим на паяльной лампе обед. Паяльная лампа — главная «подруга» экспедиционников в Монголии, сколько обедов на ней будет сварено, сколько чайников вскипит и согреет в холодную пору. Поели и снова в путь.

По пути начался дождь, сильный, но, к счастью, короткий. Последний час езды подарил нам дивные краски неба, одна половина которого была темно-синей от только что прошедшей грозы, другая — ярко-голубой. По дороге случайно попали на свадьбу в одной из бригад, где спрашивали дорогу. Я, Виктор и Цэрэннадмид зашли в юрту поздравить жениха и невесту. Нас усадили на места для почетных гостей, поднесли архи. Я вручила подарок новобрачным —

две небольшие куклы с изображением жениха и невесты. Купила их в Москве случайно, и вот неожиданно они пригодились. Пришлось и соответствующее благопожелание (*ёроол*²) произнести, хозяева и гости были очень довольны. Узнав дорогу, довольно быстро доехали до сомона Дашинчэлэн, возле него заправочная станция — заправились бензином. Потом подъехали к сомонной гостинице. Кроме водителей, ночующих в машине, все женщины и мужчины устроились в одном номере гостиницы примерно с десятью кроватями. Легкий ужин на ходу и общий сон.

Перед сном, когда все раздевались, я с ужасом увидела, что Цэрэннадмид весьма основательно беременна. В верхней одежде это было незаметно. К тому же она очень старалась, чтобы я это не заметила, пока мы были в Улан-Баторе, потому что боялась, что я не возьму её в экспедицию. Конечно, не взяла бы, но сейчас я была в безвыходном положении и отправить её назад уже не могла. «Сколько же у тебя месяцев?» — спросила я. «Восемь», — ответила она. «А если ты родишь прямо в дороге» — учитывая качество монгольских дорог, спросила я. «Нет, не бойтесь, все будет хорошо», — таков был ее ответ. И действительно, она родила через неделю после нашего возвращения в Улан-Батор.

19 августа, среда. Я и мои ребята завтракаем в столовой. Остальные едят завтрак, приготовленный на паяльной лампе. Мы — быстрее. Опять в путь. В полудне езды от Дашинчэлэна заехали на городище Харбухийн-балгасун. Именно здесь отряд Э. Шавкунова, археолога из Владивостока, нашел монгольские тексты, написанные на бересте. Водитель эпиграфического отряда Миша, работавший месяцем раньше в отряде Шавкунова, показал нам место, где была выкопана эта библиотека. находка была случайной. Там же оказалось большое количество маленьких глиняных субурганчиков³. Сама крепость, как сказал Сухэбатор, построена строительной техникой XVIII в. Стены местами сохранили высоту до 5–6 м. Внутренний двор бывшей крепости, очевидно, служил загонем для скота и весь покрыт толстым слоем навоза. Крепость обнесена валом. Сухэбатор, опытный археолог и историк, считает, что этот вал киданьского времени и с самой крепостью не связан. За пределами вала находится субурган, тщательно сложенный из цементированных камней. С его северной стороны внутрь ведет небольшое оконце — отверстие. Внутри уже ничего нет. Двинулись в путь дальше. Сделали небольшой крюк в 40 км и заехали в Кошо-Цайдам — место, где стоят памятники тюркским правителям Бильгя-кагану и Кюльтегину, VIII в. Оба памятника огорожены забором, но внутри все валяется, стела с надписью подвержена всем дождям, ветрам и снегам. В некоторых местах надписи уже совсем стерлись и не читаются.

Обе статуи не имеют головы. Одна из них находится в пределах ограды, другая — уже в каком-то музее. Отбитые головы стоящих в монгольских степях статуй имеются в разных музеях не только Монголии, но и Европы. За пределами ограды Бильгя-кагана — знаменитое спорное скульптурное сооружение. В. Е. Ларичев в книге «Азия далекая и таинственная» пишет, что это вагина женщины-матери. Рядом лежит скульптура самого Бильгя-кагана без головы. В ограде Кюльтегина находится расколотая каменная черепаха, на ко-

² Монг. *ёроол* — благопожелание.

³ Монг. *субрага* — ритуальное сооружение, ступа.

торой стояла стела, посвященная Кюльтегину. Вокруг остатки разрушенного монастыря. Сухэбатор говорит, что монастырь был построен в маньчжурское время специально возле этого памятника. Разрушен монастырь, как и все прочее, в 1930-е годы.

Из Кошо-Цайдама прямо едем на Хара-Хорин (60 км). Прибыли часов в 7 вечера, устроились в гостинице. Нам с Лившицем на двоих выдали двухместный люкс. В преддверии люкса разместился Сухэбатор, в соседней комнате устроились остальные пять человек. Водители — в машине. Шинэху сходил на разведку в правление сомона и принес фамилии нескольких информаторов, бывших лам, с которыми имеет смысл побеседовать в Хара-Хорине. Вечером эпиграфический отряд отметил начало сезона распитием бутылки водки. Перед этим совершили пешком прогулку по ночному Хара-Хорину. У каждого свои ассоциации: у Лившица с Таджикистаном, у меня — с Бурятией, а временами, если бы не окружающий ландшафт, которого во тьме не видать, — даже с кубанскими станицами.

20 августа, четверг. С утра оба отряда отправились на осмотр Эрдэнэ-Цзу и городища Хара-Хорин. Монастырь окружен стеной, представляющей в плане квадрат, с каждой стороны которого 27 субурганов, всего их 108. Возле угловых ещё по 2 дополнительных, в состав стены не входящих. Ориентация — строго по сторонам света. В середине каждой стены — ворота. Сам монастырь Эрдэнэ-Цзу занимает только небольшой участок в северо-западной части огороженного субурганями пространства. Справа от него возвышается субурган, большой, белый, центральная и основная его часть окружена 8 небольшими субурганями (ступами), на большой и каждом из малых изображены *соёмбо* в том месте, где находится определяющий показатель субургана. Только в центральном субургане под застекленным колпаком находится изображение самого Драгоценного Будды (Эрдэнэ-Цзу — Бурхан-багши⁴).

Хранитель музея, его директор и экскурсовод в одном лице, устроил для нас получасовую экскурсию по музею. Как смеялись потом наши монгольские коллеги, он не сказал ни одного обычного слова — все сплошь было как в художественной литературе. Фотографировать он категорически запретил. Лившиц ему иронически заметил, что в Эрмитаже и Лувре это давно разрешено, но это не произвело никакого впечатления. Нам были открыты и показаны три главных храма монастыря — центральный, западный и восточный. Перед центральным храмом сохранились остатки стены *ямтэй*. Ниже лестницы находятся субурганы с прахом Алтын-хана тумэтского, его матери и жены, и боковой храм, в котором нет алтаря в отличие от центрального, западного и восточного храмов, а просто развешаны иконы (хэрэг бурхан, зураг бурхан) XVI–XIX вв. Искусство ламаистских мастеров именно этих веков представлено в музее.

Главная статуя Эрдэнэ-Цзу — изображение Будды — была привезена из Тибета, но много изделий монгольских мастеров XVI и XVII вв., в частности, самого Дзанабадзара. Под некоторыми иконами сохранилась живопись XVI–XVII в., но она не реставрирована, и её тщательно скрывают. Штампованные из глины изображения 1000 будд — работа XIX в. Эрдэнэ-Цзу несколько раз был разрушен. Последний раз частично в 1938 г., но потом был реставрирован

⁴ Монг. *Бурхан-багши* — Будда Шакьямуни.

и восстановлен. Всего в настоящее время в Монголии действует один монастырь Гандантекчинлинг в Улан-Баторе, и как музеи функционируют Дворец Богдо-гэгэна, Чойжин-сумэ, Эрдэнэ-Цзу, Амар Баясгалант. После осмотра Эрдэнэ-Цзу долго бродили по территории Хара-Хорина — древней столицы Чингис-хана. Раскопанные в 1948–1949 гг. С. В. Киселевым дворец Угэдэя и ворота опять заросли травой. Много подъемной керамики, кое-что собрали и мы. Хорошо виден вал. На поверхности лежит только знаменитая по многочисленным публикациям каменная черепашка.

В 1 км к юго-западу от Эрдэнэ-Цзу, в небольшой впадине в горе находится памятник фаллического культа. Мы подъехали и осмотрели его. Общий вид таков: на круге, изображающем символически вагину, лежит уже гораздо более реалистически выполненный фаллос. Все это сделано из серого песчаника. Диаметр вагины и длина фаллоса примерно 1 метр. Внутри каменного круга растет трава. Фаллос находится в лежачем состоянии. Со слов местных жителей Сухэбатор сообщил, что весной этого года это сооружение имело вид торчащего из вагины фаллоса, но было сломано. С тех пор его обнесли оградой из железных прутьев. Местная легенда гласит, что установка этого сооружения была связана с тем, что ламы Эрдэнэ-Цзу нарушали обет безбрачия, и настоятель монастыря в наказание им воздвиг это сооружение недалеко от ворот монастыря. Несколько информаторов на вопрос, как называется это место, ответили: «Мама» (именно русским словом *мама*). Сухэбатор утверждает, что вагиной (женским органом) считается не только этот круг, но вся горная впадина, в которой этот памятник находится. Если приглядеться к ней издали, она напоминает женский половой орган. Вечером гуляли по сомону. До 1967 г. здесь жила большая группа китайцев. Их стараниями сомонное хозяйство Хара-Хорина приобрело значительное количество огородов. Они провели канал от современного русла Орхона к его старому руслу. Его общая протяженность около 10 километров, глубина — около двух метров. Берега его выложены камнем, чтобы их не размывало. На территории сомонного центра канал огорожен, но в некоторых местах к нему есть подходы — для взятия воды ведрами и водопоя лошадей. В 1967 г. после беспорядков среди китайцев все их семьи из Хара-Хорина были выселены. Канал сейчас практически не используется, дно его постепенно зарастает. В сомонном центре есть электростанция и элеватор, построенные советскими строителями. Есть даже русский магазин, сейчас, однако, закрытый, так как его единственный продавец в отпуске. Вечером я и Виктор после многих попыток застали дома дедушку Хунчуу, бывшего ламу небольшого монастыря Гэсэрлин, бывшего в окрестностях этих мест. Старик весь день работал, устал и был не особенно склонен к разговору. Беседу с ним мы перенесли на другой день, назначив встречу в нашей гостинице на три часа дня.

21 августа, пятница. Утром окончательно прощаемся с эпиграфическим отрядом. Они уезжают на городище Хара-Балгасун в 20 км от Хара-Хорина в сторону Цэцэрлэга и назад уже не вернутся. После их отъезда Цэрэннадмид и Болд пошли к своим информаторам, а я с Виктором (с утра лечившим свою внезапно заболевшую пятку) пошли в поселок за Эрдэнэ-Цзу к бывшему ламе этого монастыря Онгуу, халха, 68 лет. Старик сидел дома,

в юрте были также его жена и три внуки, приехавшие на лето из Улан-Батора. Местный, рода своего не помнит, был хувараком в Эрдэнэ-Цзу. Но помнит, что в Эрдэнэ-Цзу был свой хубилган, которого звали Гончок-Джанцан, он умер своей смертью в 82 года (существенное уточнение, если не забывать, что репрессии лам были не только в СССР, но и в Монголии), но к тому времени уже был лишен сана хубилгана. Обо⁵ здесь было одно — Ханган-обо. Оно было общим на все окрестные монастыри. Отдельного обо каждый монастырь не имел. Сахьюс⁶ этого обо — буддийское божество Ханган, его изображение было в Эрдэнэ-Цзу, но сейчас он его не помнит. Отмечали обо летом, осенью, зимой, весной — четыре раза в году. Каждый монастырь имел свой день почитания. Сейчас это обо давно заброшено, а в этом году его вообще сожгли. Почитали ли в этих местах Чингис-хана? Ответ: да, почитали, была в этих местах икона с его изображением — висела в Эрдэнэ-Цзу. Сейчас ее нет. Слышал, что у китайцев есть храм в честь Чингиса. Но название места не знает. В 1961 г., когда отмечали 800-летие Чингис-хана, здесь это никак не отмечалось.

Когда приезжали буддисты, участники последней (майской 1970 г.) конференции буддийских стран в Улан-Баторе, то для них специально зажигались лампы в Эрдэнэ-Цзу, но никаких хуралов там проведено не было. Очень обижен тем, что цирики (солдаты) оцепили район монастыря и никому не давали приблизиться к зарубежной делегации, хотя многим хотелось просто приветствовать их.

Пыталась поговорить с ним о разных буддийских символах. Спрашиваю, почему в *эрх* 'четках' 108 шариков, в Ганджуре — 108 томов и 108 башен-субурганов в ограде Эрдэнэ-Цзу, — не знает. Говорит, что так сложилось само собой. Субурганов сначала было немного, потом они стали достраиваться и получилось 108. Вообще существует всего 8 типов субурганов. Они отличаются друг от друга своим внешним обликом, по которому можно определить, чему каждый из них посвящен. Сахьюсов гор и рек в округе он не знает. Ни о чем таком никогда не слышал. Местность Хара-Хорин имеет свое название от *хэрэм*⁷ — крепость, вал (как и наш Кремль), так что первоначальное название города было Хара-хэрэм, что означает «черная крепость». На его *ширээ*⁸ в северной части юрты стояла только одна фотография иконы Алтан-хана тумэтского — основателя Эрдэнэ-Цзу. Хозяин сказал, что эта фотография сделана им с иконы, хранящейся в Улан-Баторе в музее, и стоит здесь в знак почитания основателя Эрдэнэ-Цзу. Наша дальнейшая беседа состояла из расспросов меня им о том, где сейчас Далай-лама и Панчен-лама. Потом мы обменялись взаимными благодарностями.

После обеда к нам в гостиницу пришел вчерашний дед Хунчуу. Мы его накормили обедом в нашей гостиничной столовой. Беседа продолжалась часа три, вели ее все вместе наперебой: я, Виктор, Болд, Цэрэннадмид, после чего дед ушел от нас совершенно измочаленный. Он — бывший лама монастыря

⁵ Монг. *овоо* — ритуальное сооружение в виде кучи камней, веток и т. п., а также возвышенность, на которой воздвигнуто такое сооружение.

⁶ Монг. *сахюс* — божество-покровитель.

⁷ Монг. *хэрэм* — крепость, крепостная стена, кремль.

⁸ Монг. *ширээ* — сиденье, престол.

Гэсэрлин, небольшого, находившегося к северо-западу от Эрдэнэ-Цзу. Сахьюс монастыря Гэсэрлин — Гомбо-Махагала. Изображение его известно. Его скульптурное изображение было сделано из меди мастерами в Долонноре и привезено сюда. В Гэсэрлин были следующие дацаны: Чойра, Дуинхор, Цанит, Мамба. Специального *чойжена*⁹ (оракула) при этом монастыре не было. Вообще он видел его только раз в жизни. Это был тибетец, брат последнего Богдо-гэгэна. Он был главным чойжэном Монголии. В честь него был выстроен храм. Дед Хунчуу был ламой, но своего личного сахьюса не имел, а имел только того, что был сахьюсом монастыря — это Гомбо-Махагала. Основное разделение религий в Монголии — это вера черная (*хара шажин* ‘шаманство’) и вера белая (*цагаан шажин*). Причем вера белая, то есть буддизм, делилась на красную, желтую и другие секты. Но все они считались белой верой. Секта *луижин*¹⁰ не очень отличалась от желтой веры. Были лишь кое-какие различия в проведении хуралов. Ямпэй — стена перед монастырем, она означала, что этот монастырь был императорским. Маленькие субурганы из глины (*цаца сувраг*), которые мы нашли в Харабухийн-балгасуне, я показала ему — он сказал, что такие субурганчики кладут в могилу умершему его близкие.

Чем более уважаемым был человек, тем больше таких субурганчиков клали ему в могилу. Они замешивались иногда на его пепле. Затем я нарисовала субурган и попросила его написать названия отдельных его частей. Он это сделал. Затем он объяснял отдельные элементы *соёмбо*. Две рыбы — символ замкнутой цепи, крепкой защиты. Вообще *соёмбо* ввел как знак Дзанабадзар, первый глава буддийской сангхи Монголии. Полумесяц, солнце и три языка пламени над ним — этот знак увенчивает собой *соёмбо*, он же ставится иногда на могилах. Книги, объясняющие этот знак, входят в состав Ганджура.

Субурганы большие делятся на 8 видов. Значение каждого из них определяется их средней частью — четырехступенчатой, называемой цадмид-ши. За три часа, что шла беседа, дед Хунчуу очень устал. Я ему дала пачку табаку, и он остался очень доволен. Часов в 7 вечера пошли с Цэрэннадмид к информатору Балдану, который согласился на следующий день поехать с нами в Шанх, где живет его сын и где много стариков, которых он знает. У деда в деревянном амбаре (юрту на зиму он еще не поставил) солидный иконостас (Бурхан-багша, Говилха, Лхамо, Очирвани, несколько *хурдэ*¹¹), в руках у него и у его бабушки по два *эрх*. Одно имеет 108 зерен, другое маленькое, как он мне объяснил, служит для подсчета того, сколько раз провернуто большое. Договорились уехать на другой день в 9 часов утра.

Вечером наш Виктор гулял в компании заместителя министра финансов и одной уланбаторской журналистки из монгольской газеты «Комсомольская правда». Вернулся поздно, мы уже все спали.

22 августа, суббота. Встаем, завтракаем, заезжаем за Балданом и едем в Шанх. Когда-то давно это был сомон. До 1938 г. там находился большой монастырь Баруун-хурэ. По дороге заезжаем на ту гору, где находится «мама». На

⁹ Монг. *чойжин* — хранитель учения, а также лама, в которого вселяется хранитель учения и предсказатель; буддийский шаман.

¹⁰ Луижин (луижн) — по объяснениям информанта, одно из подразделений красношапочников, которое они не признавали, а тем более гелугпинцы.

¹¹ Монг. *хурдэ* — молитвенный барабан.

ее вершине лежит еще одна громадная серая черепаха из песчаника. В спине ее выдолблена ниша для стелы. Вместо стелы сейчас лежит груда мелких камешков, как и на той черепахе, что лежит среди развалин Хара-Хорина, столицы Чингис-хана. Уже подъезжая к Шанху, заехали на обо Джаргалант, оказавшиеся, однако, совсем неинтересным. Одна куча камней, никаких жертвенников, курильниц и т. д. Лежали лишь один бумажный тугрик¹² и одна медная монета дореволюционного образца.

Под горой резали госхозных баранов, и мы долго с аппетитом смотрели на это зрелище. Оказавшиеся тут же болгарские мелиораторы сказали, что на месте Джаргалант-обо по их карте значитесь триангуляционная вышка. Когда ее воздвигали, все что было на обо, унесли с собой геодезисты. Потом мы подъехали на машине к Шанху. Наш дед вылез из машины возле одной из юрт, что-то разузнал, и через несколько минут мы оказались в юрте, полной народу: около 50 человек, разного возраста — стариков, людей средних лет, молодежи, детей. Оказалось, что в Шанхе, когда наступает время изготовления кумыса, жители по очереди собираются в каждой юрте и коллективно его пьют. Мы попали как раз на такое сборище. Нам вручили по громадной, по-моему, литровой пиале кумыса, и мы начали его потихоньку пить.

Интересно было наблюдать за тем, как встречались и здоровались старики, входя в юрту. Постоянно входили новые лица, многие из них виделись в этом году впервые, т. к. не все они жители Шанха, а некоторые из дальних сомон-ов. Входящий протягивал обе руки хозяину, который пожимал его за локти, а гость в свою очередь пожимал своими руками локти хозяина. Так же здоровался он и с остальными пожилыми гостями. Затем начинался обмен табакерками. Каждый вручал свою вновь пришедшему, а тот отдавал ему свою в обмен, однако не навсегда, а лишь для того, чтобы гость понюхал нюхательный табак хозяина из его табакерки, а хозяин — табак гостя из его табакерки. Это стандартный для Монголии обряд приветствия. Нам тоже неоднократно это предлагали, но у нас табакерок и нюхательного табака нет, поэтому мы в ответ давали хозяевам по одной сигарете, и их с благодарностью принимали, потому что в *худоне*¹³ (сельской местности) сигареты — большая редкость. Тем не менее большинство монголов предпочитают курить свою национальную трубку, которую носят, заткнув в сапог, а табак для нее — в кисете, заткнутом за пояс. В нем же хранится и табакерка с нюхательным табаком.

Постепенно хозяин юрты и человек, разливающий кумыс, втянулись в разговор, и мы начали задавать вопросы. В двух километрах от территории нынешнего Шанха был большой монастырь Баруун-хурэ. По преданию, он был основан здесь через 60 лет после Эрдэнэ-Цзу на том месте, где проезжал Ундур-гэгэн и где случайно из его повозки было пролито кобылье молоко. Это считается хорошей приметой, поэтому тут был основан монастырь Баруун-хурэ. В нем было более 5 дацанов и 1 000 лам. В 1938 г. он был разрушен и закрыт. Часть его построек в настоящее время сохранилась. Обо в этих местах было непопулярным объектом поклонения.

¹² Монг. *төгрөг* — денежная единица в Монголии.

¹³ Монг. *хөдөөн* — худон, сельская местность; провинция, а также степь, незаселенная местность, обильная водой и травой место, пустошь.

Связи между 108 зернами четок и 108 субурганами Эрдэнэ-Цзу он не видит. Эрх¹⁴ — это хороший предмет, как объяснил он. Эрх — это значит «сюда», «приходить сюда», а все, что сюда, а не отсюда, очень хорошо. Действительно, когда верующие перебирают четки руками, они перебирают их одной левой рукой, откидывая шарики в свою сторону, к себе. Маленькие эрх держат при этом в правой руке (в Шанхе это тоже было распространено повсюду), один маленький шарик на нем откидывается после проворота полностью большого эрх. Все присутствующие стали показывать мне свои четки. Большая часть их сделана из какого-то орехового корня, а в качестве разделителя использованы кораллы. Местность Шанх называется по горе Шанх, а та в свою очередь, согласно народным представлениям, означает женские волосы, растущие на висках (интересное объяснение, хотя и вызывающее некоторые сомнения).

Из этой юрты мы перешли в другую по соседству, победнее. Хозяйка ее варила суп из потрохов барана и кровяную колбасу. Ребята дружно отказались ее есть, а я об этом очень жалела, так как хотелось ее попробовать.

На *ширээ* у хозяйки стояли небольшой иконостас, лампадка и вырезанный из камня рельеф высотой примерно 12 см, шириной 2,5 см. На одной его стороне был изображен субурган, на другой — тумбаши¹⁵ — иллюстрация к одной из буддийских джатак, популярной в Монголии (четыре друга, стоящие друг на друге — слон, обезьяна, заяц, птица, старающиеся достать плоды с дерева). Бабушка ответила на все вопросы о том, кто эти божества, которые стоят на ее жертвенном столе. Юрта ее была маленькая и грязная. Из нее мы перешли к родственнице нашего проводника Балдана и ее мужу. Муж — бывший лама, сохранил ламскую шапку, чем он очень гордился, в ней мы его сфотографировали. Потом поехали смотреть остатки монастыря Баруун-хурэ. Они находятся в двух километрах к юго-западу от Шанха. Там же находится скотоводческая бригада госхоза Хара-Хорин. Монастырские постройки сохранились полностью, но в ужасающем состоянии. Разобрана и разрушена только стена, выложенная белым кирпичом, который, как сказал находившийся тут же старик, только в этом году был увезен для ремонта чего-то в Эрдэнэ-Цзу. На территории монастыря в трех его бывших главных храмовых зданиях помещаются сейчас складские помещения для шерсти и курятник, шерсть и кур сдает госхозу эта бригада. Разрушенные ворота в храме служат кормушкой для лошадей. Вечером вернулись в Хара-Хорин и посмотрели в клубе первую серию фильма «Цокто-тайджи». Это лучший фильм монгольской кинематографии по всеобщему признанию.

23 августа, воскресенье. С утра выехали в Худжирт. Это 50 км к югу от Хара-Хорина. Помимо сомона там находится курорт всемонгольского значения, построенный у аршана, лечащего желудочно-кишечные болезни. Так как было воскресенье, то никого из сомонного начальства и даже хозяйки гостиницы не оказалось на месте. Нам посоветовали устроиться на курорте, где было много свободных мест. Мы так и сделали, получив к тому же разрешение питаться в столовой курорта. Это было большой ошибкой, которую мы осознали

¹⁴ Монг. *эрх* — четки.

¹⁵ Монг. *тумбаши* — фолькл. четыре дружных животных (слон, обезьяна, заяц, голубь).

только на другой день. Нам выделили комнату в 5 коек в одном из корпусов курорта. И мы пошли обедать. К тому времени, наконец, прекратился дождь, который лил с утра. Обед оказался очень обильным: огромный кусок мяса и свежий зеленый лук с солеными огурцами. В зале на 400 человек едоков стоят две громадные китайские вазы (литров на 100 каждая), из которых можно черпать кумыс в неограниченном количестве. Вечером смотрели концерт артистов художественного ансамбля Булган-сомона. В программе бурятские песни, халхаские песни и даже русский народный танец. С очень хорошей мимикой шла юмористическая сценка.

24 августа, понедельник. Позавтракали в столовой курорта. К нам подошла довольно симпатичная женщина, очевидно, главное ответственное лицо за питание обитателей Худжирта, и состоялось продолжительное (сначала со мной, а потом без меня) выяснение отношений по поводу питания. С каждого из нас требовалось 15 тугриков за питание в день вне зависимости от того, сколько раз мы будем питаться. Разовая оплата за каждую еду администрацию гостиницы не устраивала. Мои ребята целый час выясняли отношения, в результате этот визит наш в столовую курорта был последним. Как оказалось потом, Виктор долго взывал к справедливости, а потом администратор начала грозить своими связями, что уже совершенно никуда не годилось.

После завтрака разыскали сомонного начальника — даргу¹⁶. Он посоветовал нам обратиться в артель, с которой либо в прошлом, либо в настоящем связаны все старики сомона. Придя в артель, мы поговорили с артельным даргой и действительно получили имена нескольких информаторов. К одному из них — 96-летнему ветерану артели отправились Цэрэннадмид и Болд. Я и Виктор пошли к пенсионеру артели, бывшему ламе Балдандоржу, халха, 72 года. До 1956 г. работал в артели. Потом вышел на пенсию, пенсия — 100 тугриков в месяц. В красном углу у него висит почетная грамота, выданная за хорошую работу в артели. Самым близким к Худжирту был Бумхан¹⁷ Халуун усны жас. Сахьюсом его была Лхамо. Постоянных лам в нем не было. Определенных хуралов тоже. Устраивались они наездами по просьбе каких-либо знатных лиц. Находилось оно в ведении Богдо-ханского монастыря. Возле Худжирта были два обо: на западе — Гуа-обо, на севере — Шонклан-обо. Праздник на обо происходил один раз летом. Он был в равной степени доступен и мужчинам, и женщинам. Можно было приходить на него и тем, и другим и не только во время праздника обо, но и в обычные дни. Подношением здесь были только молочные продукты. Лошадей и баранов в жертву не приносили. Никакие изображения буддийских божеств на обо не вешались. Так как здесь был целебный аршан, то ламы приезжали сюда очень часто, в том числе и хубилган из Эрдэнэ-Цзу. В связи с их приездом устраивались хуралы. Сахьюсов различных животных он не знает, но когда животные болеют и бывает большая смертность скота, то читаются специальные книги. Лхамо был не только сахьюсом его монастыря, но и его личным сахьюсом. В честь него он каждый день зажигал и до сих пор зажигает лампадку. С культом Чингис-хана был связан монастырь Баруун-хурэ.

¹⁶ Монг. *дарга* — начальник, председатель.

¹⁷ Бумхан — небольшой дуган (храм).

Рядом с хозяйством нашего информатора возвышается двухэтажный дом старого нойонского типа. Его хозяева, муж и жена, также пенсионеры артели. Дом до революции принадлежал одному из местных нойонов и находился на территории монастыря, в 30 км отсюда. Несколько лет назад остатки его они разобрали и перевезли в этот сомон. Внутри сомона также несколько раз меняли место, прежде чем они оказались там, где находятся сейчас. Первый этаж дома — хозяйственный склад, погреб и пр. Второй этаж — жилая часть, но это только летний вариант жилья. Зимой здесь холодно. Зимой хозяева живут в большой юрте. Деревянное ее основание находится тут же во дворе усадьбы. У хозяев оказался отличный набор бурханов и икон, несколько типов четок.

Во второй половине дня съездили на местное обо. По дороге проехали несколько крупных курганов, круглых и квадратных в плане с насыпью в центре диаметром до 10 м. Подъехали к горе довольно близко, потом оставили водителя Сергея с машиной и пошли с Виктором на обо по двум распадкам. Обо бедное. Ориентировано с запада и на восток. На западе — 12 куч камней, на востоке — 14 куч, с юга находится жертвенник, курильницы нет, несколько пустых бутылок архи, несколько мэнгэ¹⁸, несколько полинявших под ветром и дождем хи-морь¹⁹.

По дороге мы с Виктором вели душеспитательные беседы о монголоведении. На обратном пути заехали в юрты. Хозяева довольно бедные, но, как всегда в Монголии, гостеприимные. Нас напоили чаем и накормили урюмом и арулом²⁰. Пытались узнать имя сахьюса Гоа-обо и что-либо о расположенных возле юрты курганах, но ни того, ни другого хозяева не знали.

После возвращения в гостиницу мы отправились в артель и осмотрели ее. Она существует с 1932 г. выпускает деревянные детали юрт (уни, тооно, хана²¹), шьет сапоги, ватные брюки и телогрейки, ватные одеяла. Изделия артели продаются в магазине при ней же. Артель имеет четыре корпуса: административный, два столярно-токарных, где делают детали юрт, один пошивочный. В центре территории стоит юрта-музей, где экспонируются документы по истории артели и есть образцы её изделий. Есть склад. Вечером я играла на поле перед курортом в монгольские кегли. Шар весом в 10 кг я тщетно пыталась докатить до кеглей под громкий хохот монголов. Вечером Виктор напился где-то и стал утверждать, что нам пора возвращаться в Улан-Батор, а так как я не улан-баторка, то я не понимаю, что такое скучать по этому городу. Через некоторое время он добавил, что в общем-то в Улан-Батор он стремится потому, что оттуда он быстро уедет в Москву. Цэрэннадмид долго вдалбливала ему в голову, в чем состоит его экспедиционный долг, но его это мало интересовало.

25 августа, вторник. Сегодня выезжаем в Бат-Улзий. От Худжирта это 120 км. По дороге заехали на местное сугубо современное кладбище. Находится оно у подножия горы. Ориентированы погребения головами в сторону

¹⁸ *Монгө* — монгольская разменная монета. 100 *монгө* равнялись 1 *төгрөг* (тугриков). В настоящее время *монгө* (в русской транскрипции *мунгу*) вышли из употребления.

¹⁹ Монг. *хий-морин* — букв. ‘конь ветра’ — цветные флажки с изображением коня, считающиеся выражением психической энергии человека.

²⁰ Монг. *өрөм* — молочная пенка, *ааруул* — род сушеного творога.

²¹ *Унин* — шесты, поддерживающие верхний круг монгольской юрты, *тооноо* — круг верхнего отверстия юрты, *хана* — решетчатая стенка юрты.

этой горы, т. е. к юго-востоку. Оградки, тумбы похожи на сельские кладбища России. Километров через 50 остановились на берегу Орхона и сварили уху из наловленной шофером Сергеем накануне рыбы. Наши монгольские коллеги опять проявили независимость, и пока мы с водителем варили и жарили рыбу, удалились в юрты, которые были где-то в 1–1,5 километрах от нас, и там поели. Вернувшись, они снизошли только до жареной рыбы, отказавшись от ухи.

Берега Орхона в этих местах прекрасны. Течет он в ущелье с крутыми берегами. Рыбу здесь ловить запрещено, так как Орхон в этом течении входит в интуристовский маршрут. Вода чистая и прозрачная, и рыба ходит в ней косяками, подходя близко к берегу. Отвесные склоны из пористого вулканического туфа поросли диким крыжовником. Болд смело ринулся с кружкой под откос и кое-что собрал. Не хотелось ехать дальше, до чего красиво.

В трех километрах далее по дороге оказался целебный источник аршан. Я отправилась пить воду, но спуск оказался таким крутым, что я не раз пожалела, что пустилась в этот путь. Источник был у самого берега Орхона, а спуск метров 30 был очень крутым. Предусмотрительный Сергей и беременная Цэрэннадмид не пошли. У дороги возле спуска к источнику останавливались все проезжие машины. Все пассажиры шли пить аршан. Тут оказался главврач детской больницы из Арвай-Хэрэ, журналистка из Улан-Батора и т. д. Еще через два часа прибыли, наконец, в Бат-Улзий. Вся оставшаяся дорога к нему была буквально усеяна памятниками эпохи орхоно-енисейских тюрков. Сомон Бат-Улзий удивительно красив. С юго-запада к нему подступают горы, поросшие кедром, с другой стороны — долина Орхона и широкая плоская гора Бат-Улзий, по имени которой назван сомон. Центральная часть — административные здания и артель по производству деталей юрт. Гостиница тихая и уютная. Мы — ее единственные обитатели. Хозяйка гостиницы, она же повара, организовала нам ужин. Мы зашли в контору, где не оказалось дарги, и в магазин, где я приобрела китайские колонковые кисти для своей сестры и чешский приборчик для скрепления бумаг.

Так как дарги не оказалось на месте и некому было дать нам имена информаторов, то мы на свой страх и риск вечером пошли по юртам и вскоре набрали на весьма разговорчивого информатора — бывшего ламу Чойра дацана Сайхатни-хурэ. Старик оказался даже более разговорчивым, чем этого требовали интересы дела, и нам с трудом удавалось вставить в его речь хоть какие-то вопросы. По специальности он оказался изготовителем балинов — жертвенных пирамид из теста и масла, используемых в храмовых ритуалах, но говорить был способен обо всем на свете.

26 августа, среда. С утра пошли в артель и оттуда по рекомендации артельного дарги отправились на самую окраину сомона — к Балдандоржу, бывшему чойра-ламе Сайхатни-хурэ. По распоряжению артельного дарги нас даже довели к нему на машине, а сам артельный дарга ехал впереди на мотоцикле. Хозяин напоил нас свежим только что вскипевшим коровьим молоком и отметил, что большое счастье ожидает нас, раз мы попали на свежее молоко первого кипячения.

В Бат-Улзий как раз началось доение кобылиц для Праздника первого кумыса. Всюду в юртах кумыс. При начале дойки молодых жеребят привязыва-

ют всех на одну веревку, чтобы они не сосали кобылиц и не отбирали молоко. Раньше было 3 больших семейных события (*хурим*): свадьба, рождение ребенка, похороны (сейчас слово *хурим* сохранилось только за свадьбой). Все они сопровождалось поеданием большого количества молочных продуктов.

На вопросы он отвечал очень охотно и доброжелательно. Показывал свои *эрх* (четки). На прощание он поблагодарил нас за беседу, сказал, что с ним давно никто не беседовал на столь умные темы. Артельный дарга, который молча слушал весь этот разговор, под конец сам рассказал кое-что про организацию артели в этих местах и ее работу.

Потом я, Болд, Цэрэннадмид вернулись в гостиницу и хотели было съездить на Орхонский водопад — красу и гордость Увур-Хангая, обязательный объект интуристовских маршрутов. Как остроумно отметил Болд, картина с изображением Орхонского водопада — это эмблема Увур-Хангайского аймака. Действительно, во всех гостиницах, аймачной и сомонных, в столовых, в кабинетах начальников висит такая картина. Но Сергей сказал, что если мы поедем на водопад, то нам может не хватить бензина на обратную дорогу в Улан-Батор, поэтому поездка на водопад отпала. После обеда отправились еще к двум информаторам. Один из них — артельный пенсионер, бывший мастер по изготовлению деревянных телег. Он рассказал и описал их, а я задавала ему вопросы по вопроснику, составленному археологом П. Кожиным, занимавшимся историей колесного транспорта. Второй информатор — старый коммунист, единственный сейчас из оставшихся в живых комиссар аймака, веселый балагур и любитель выпить — Цэрэндаш. Вечером к нам в гостиницу на ужин подоспела веселая компания аймачного начальства из Арвай-хэрэ. Ужин прошел в веселой обстановке. Весь день до этого монгольские студенты запасались художественными продуктами (арулом, маслом, пенками), которые трудно найти в городе и которые всеми монголами очень ценятся.

27 августа, четверг. Утром выехали в Арвай-Хэрэ — центр Увур-Хангайского аймака, до него 240 км. Приехали во второй половине дня. Устроились в гостиницу, походили по городу. Аймачный центр очень пыльный. В магазинах ничего особенного. Есть специальный магазин молочных продуктов, но в нем только громадная деревянная бадья с кумысом. Вечером все, утомившись с дороги, читали и спали. Мы с Цэрэннадмид даже в полулюксе.

28 августа, пятница. С утра пошли в музей. Он небольшой и не очень интересный. Директор его в Улан-Баторе, а молодая заместительница еще не в курсе исторических событий своего аймака. Студенты настолько рвутся поскорее в Улан-Батор, что до 12 часов сделали все, что мне было нужно, сняли схемы районных памятников со стен и перерисовали их в четыре руки, так что мне ничего не оставалось делать, как объявить, что мы сегодня же едем назад в Улан-Батор. Общий восторг, но куда-то пропал водитель Сергей вместе с машиной.

Он нашелся только к 6 часам вечера. Тут же и выехали. Проехали за этот вечер 120 км. Дорога пыльная, наезженная и сильно оживленная. Ночевать остановились уже в полной темноте и провели первую и последнюю ночь в спальных мешках под брезентом. Вечером глазастые монгольские коллеги

углядели где-то недалеко юрту и отправились туда пить чай. Вернулись поздно вместе с хозяином юрты и его детьми, долго еще смеялись над чем-то и, наконец, легли спать. Сначала тихая теплая звездная ночь сменилась где-то часа в три утра сильным ветром. Остаток ночи пришлось руками держать над собой тент, чтобы его не унесло ветром. Встали в 6 утра и весь день ехали в Улан-Батор.

29 августа, суббота. В 6.30 вечера въехали в Улан-Батор. Весь день в дороге с 6 утра. Поели первый раз только в 13 часов. Наш водитель Сергей может ничего не есть сутками. А вот студенты все время шумели, что хотят есть. Дорога пыльная и неинтересная, к тому же очень оживленная трасса. По приезде в Улан-Батор выяснилось, что наша база ликвидирована на время, так как в нее поселили двух приехавших венгерских ученых. Так что водителям пока разгружаться негде. Сергей сразу приуныл, так как ему уже надоело спать в машине и хочется помыться, а негде. Поехали в «Алтай». Мест там, разумеется, не оказалось, брони тоже. Но один одноместный номер все-таки нашли. Я успела его занять очень своевременно, так как через полчаса явилась большая компания русских, которым не досталось ничего. Вечером пошла мыться и ужинать к Цэрэнханд. Кроме сытного ужина у нее оказались и немецкое пиво, и армянский коньяк. Рассказывала ей и Ойдову, ее мужу, некоторые сценки из нашей экспедиционной жизни. Все хохотали. Вернулась в гостиницу и уснула как убитая.

30 августа, воскресенье. Выпила у себя в номере чаю, в столовую не пошла, так как там наверняка никакие распоряжения относительно кормежки нашей экспедиции не сделаны. Потом пошла на базар (дзах²²). Это мое любимое воскресное развлечение в Улан-Баторе — вся традиционная экономика Монголии с ее проблемами налицо. К тому же с этнографической точки зрения базар очень интересен. Не понимаю, почему сотрудники советского посольства не то чтобы запрещают, но не рекомендуют нам туда ходить. По дороге зашла на почту, отправила письма домой, а потом на бывшую базу, чтобы узнать, не приехал ли кто-нибудь еще. Оказалось, вернулся отряд Волкова. Но куда делись все они — неизвестно. В квартире, служившей нам ранее базой, живут венгерские монголоеды Андраш Рона-Гаш и Лайош Бэшэ, оба хорошо известные в Европе и Америке своими работами. Познакомилась с ними, рассказала им о нашей экспедиции, о только что состоявшемся выезде в поле. В ответ получила приглашение отведать с ними горохового супа, который они только что сварили, между прочим, из российских консервов. Ну что же, начало сотрудничеству венгерских и советских этнографов было положено.

На базаре оживленно. С утра шел дождь, поэтому только к середине дня, когда все подсохло и выглянуло солнце, начался основной наплыв покупателей и продавцов. Как и в прошлом году, выбор всякой всячины громадный. Юрта полностью со всеми своими частями, много всякой вполне европейской одежды, монгольские деди, старые чемоданы, пустые банки из-под растворимого кофе, пустые банки из-под черной икры, веники (последними торгуют китайцы) и т. д. — одним словом, на дзахе продается абсолютно все. Потом зашла в Гандан, шла служба в честь 10 докшитов. Фотографировала некоторые

²² Монг. *дзах* — рынок, базар.

храмовые сценки. Потом опять сходила на дзах, думала, что встречу кого-нибудь из наших — никого. Пошла в гостиницу. Там ко мне зашел Виталий Волков, заместитель начальника нашей экспедиции академика А. П. Окладникова, поговорили об итогах первой поездки. Кое-какие неясные финансовые детали стали на место. Но от этого не легче. В столовой по-прежнему не кормят. Пью чай с хлебом.

31 августа, понедельник. С утра пошла в Президиум Академии МНР к Цэгмиду. Нашла Бадамхатана. Тот занят с приехавшим американским ученым О. Латтимором, а с первого сентября станет главным сопровождающим советской делегации на II конгрессе монголоведов. Ему не до меня, но он, однако, успел всадить мне пилюлю, сказал, что мой доклад не вставили в программу. Я расстроена, но жду приезда нашей делегации, чтобы выяснить, что к чему. В 12 часов прямо к зданию президиума подъехал отряд Лившица. Вид у него не очень веселый. Вкратце сообщает, что поездка была не из приятных. Едем устраивать его в «Алтай». К тому времени нашлись бронь и номера, заказанные на меня и на него. Пообедали последний раз в «Алтае», а с вечера все перешли на конгрессное питание в ресторане гостиницы «Улан-Батор».

1 сентября, вторник. Сегодня дневным рейсом Аэрофлота прилетают почти все делегации (русская, польская, английская, румынская, французская, венгерская и др.). Прилетели они все к вечеру, и за ужином зал был почти полон участниками Второго международного конгресса монголоведов. Начались знакомства, контакты и т. д.

2 сентября, среда. На 9 утра назначено открытие конгресса. К подъезду гостиницы «Улан-Батор», где разместились все делегации, поданы автобусы для ученых из социалистических стран и автомобили для капиталистов, а до Президиума Академии наук МНР, где будет проходить конгресс, расстояние всего 200 метров. Мы бы с удовольствием прошли его пешком, но таковы правила режима изоляции иностранцев от своего народа. Мало ли что...

Открытие конгресса состоялось вовремя. Все, что имеет к нему отношение, в моем дневнике отражения не нашло, слишком насыщенными были эти несколько дней, слишком переполнены яркими впечатлениями и встречами, что на записи в дневнике не оставалось времени. Впоследствии я не раз об этом жалела. Осталось в памяти то, что коснулось непосредственно меня. Неожиданно приятным образом растряслась ситуация с моим докладом, отвергнутым оргкомитетом конгресса. Мне было сказано, что сняты и другие доклады, так или иначе связанные с религиями, религиозными и мифологическими персонажами, а мой был именно из их числа и посвящен персонажу ламаистского (в те годы монгольский буддизм, как впрочем и бурятский, калмыцкий и тувинский, обозначали только этим термином) пантеона монголоязычных народов — Белому старцу Цагаан уругуну. Узнав об этом, глава польской делегации профессор Витольд Дыновский сказал мне, что по этому поводу не надо расстраиваться и что он опубликует мой доклад в Польше в сборнике статей, посвященных Монголии, вместе с материалами Польской этнолого-социологической экспедиции, которая уже несколько лет работала в МНР. И это было сделано некоторое время спустя.

А еще, когда закончился конгресс, его многонациональные участники, узнавшие про наши финансовые трудности, перед отъездом домой оставили нам то, что им в этой поездке не пригодилось, а нам было просто необходимо: рулон колбасы, какие-то консервы, зубную пасту и даже новенькие зубные щетки, колготки и теплые носки, кружку с кипятильником и что-то еще. Вот это была настоящая научная солидарность монголоведов разных стран.

Литература

- Жуковская 2018 — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год, самое начало, первые две недели работы (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда // Монголоведение. 2018. № 3. С. 4–13. DOI:10.22162/2500-1523-2018-3-4-13
- Жуковская 2019а — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций) Дневник этнографического отряда (продолжение) // Монголоведение. 2019. № 16(1). С. 116–133. DOI:10.22162/2500-1523-2019-1-116-133
- Жуковская 2019б — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение: 15–23 сентября) // Монголоведение. 2019. № 17(2). С. 206–222. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-206-222
- Жуковская 2019в — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение: 27 сентября – 26 октября) // Монголоведение. 2019. № 18(3). С. 564–582. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582

References

- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian history and culture research expedition: 1969, the first two weeks of works (celebrating the 50th anniversary of Soviet-Mongolian academic expeditions). *Mongolian Studies*. 2018. No. 3. Pp. 4–12. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2018-14-4-12
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian history and culture research expedition: 1969 (celebrating the 50th anniversary of Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team (continuance). *Mongolian Studies*. 2019. No. 1. Pp. 116–133. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-1-116-133
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian history and culture research expedition: 1969 (celebrating the 50th anniversary of Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team (continuation: September 15–23). *Mongolian Studies*. 2019. No. 2. Pp. 206–222. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-206-222
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian history and culture research expedition: 1969 (celebrating the 50th anniversary of Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team (continuance: 27 September – 26 October). *Mongolian Studies*. 2019. No. 3. Pp. 564–582. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582